

На правах рукописи

Абдуласанова Зеналмо Шамшербековна

**Структурно – семантический анализ личных местоимений в
разноструктурных языках (на материале таджикского, французского,
шугнанского и русского языков)**

Специальность: 10.02.19 – Теория языка

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Душанбе– 2022

Работа выполнена на кафедре сопоставительного языкознания и теории перевода Таджикского государственного института языков именем Сотима Улугзода

Научный руководитель: Джамшедов Парвонахон, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Национальной академии наук Таджикистана

Официальные оппоненты: Каримов Шухрат Бозорович, доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории перевода и стилистики Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни;

Худойбердиева Джамила Чоршанбиевна, кандидат филологических наук, проректор по учебной части Государственного института изобразительного искусства и дизайна Таджикистана;

Ведущая организация: Бохтарский государственный университет имени Носира Хусрав

Защита диссертации состоится 07 июня 2022 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 047.004.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук на базе Института языка и литературы имени Рудаки Национальной академии наук Таджикистана (734025, г. Душанбе, пр. Рудаки 21)

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке имени Индиры Ганди Национальной академии наук Таджикистана (734025, г. Душанбе, пр. Рудаки, 33) и на сайте Института языка и литературы им. Рудаки (www.iza.tj.)

Автореферат разослан «___» _____ 2022 года.

**Ученый секретарь
Диссертационного совета,
доктор филологических наук**

Дж.Дж. Мурувватиён

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена мало изученностью местоимений, способных выполнять функцию замены имени и указательной опции, благодаря которому в последние годы особо остро возрастает интерес к человеку как субъекту, в речи. В исследованиях, посвященных данной теме, в основном изучались полнозначные слова, которые были обладателями многообразным лексическим составляющим и выполняющие роль средств прямой номинации. Будет некорректно утверждать, что местоимения были оценены недостаточно, потому как, они были безусловным предметом разработки многих мировых ученых, которые подходили к работе с разных углов зрения. Все же, несмотря на это, семантика знаковых единиц в языке остается полной из неизведанных ветвей, тем более в современной сопоставительной лингвистике.

Специфические признаки говорящему могут определяться местоименным словом (к примеру: русс: *«какой – то оборванец – тадж: ким – кадом чандапӯш – фр: un certain gueux – шугн: arčidumça odam»* выступает в предложении в виду местоименного наречия), местоименным **прилагательным** (к примеру: *«эдакий лис – тадж: ин хел рӯбоҳ – фр: un tel renard – шугн: disga rupçak»*), с помощью чего, слушающий собеседник может сделать вывод об образе описываемого – негативном или положительном, к какому роду относится – женскому или мужскому, множественное или единственное число. Во французских операциональных терминах это выглядит следующим образом: *«mode de donation de la personne»*, *«vision de la personne au moment de la saisie référentielle»* [Benveniste, 1974, 87].

Опираясь на точку зрения В. Виноградова о том, что: «Для современного этапа развития местоименной теории следует считать достаточно аргументированным положение о том, что местоимения не являются «пустыми» метками, употребляющимися вместо имени, как это можно было бы заключить, исходя из этимологии грамматического термина «местоимение» [Виноградов, 1972, 257– 259], мы можем утверждать, что важно рассмотреть те теоретические положения, которые бы смогли пролить свет на особенности функционирования в языке других типов знаков в связи с их семантическими свойствами, что и определяет актуальность темы исследования.

Степень научной разработанности выбранной нами темы представляют исследовательские труды таких русских ученых, как: А.А. Шахматов, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, Ф Брюно, Е. А. Реферовская; таджикских ученых, таких как: П. Джамшедов, Б. Сияев, А. Мамадназаров, П. Авлиёевой, Ш. Ниёзмухаммедов «Забони адабии ҳозираи тоҷик», Н. Маъсумӣ, Ф. Зикрияев, С. Мирзоев, Х. Султонов, М.А. Нахангова, С Назарзода, А. Каримов и шугнанские лингвисты: Бахтибеков Т, Карамшоев

Д, Аламшоев М, и др. Референцию, в свою очередь, рассматривали: Б. Рассел, П.Ф. Стросон, С. Куно, И. Пете, А.Н. Гвоздев, Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева, В.Г. Гак, О.Н. Селиверстова. Касаясь теории актуализации, свои работы посвятил Ш. Балли, аспекты концепции функционально– семантического поля изучали: А.В. Бондарко, Ю.Е. Власова, А.Я. Загоруйко, П.В. Чесноков, Л.Д. Чеснокова, В.В. Гуревич, Н.А. Янко– Триницкая, В. Гладров, Я.О. Уляшева и др. Многие из перечисленных ученых в своих трудах зачастую отклоняют возможность соприкосновения местоимения с категорией языковых частей речи, в то время, как показывает анализ материала сравниваемых языков, данный вопрос подтверждается в пользу включения местоимения в разряд частей речи.

Относительно исследования отдельных самостоятельных лингвистических положений прагматики нам представились работы Ч. Моррис, Ст. Милл, в сфере стилистики И.Р. Гальперин, Р. Барт, В.В. Одинцов, теории текста Е.С. Кубрякова, Н.Д. Арутюнова, О.И. Москальская, Т.М. Николаева, и переводоведения – Л.С. Бархударов, Я.И. Рецкер, В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер, В.Г. Гак, Н.К. Гарбовский, Л.С. Макарова .

Предмет темы исследования – особенности функционирования личных местоимений в языках разной структуры таджикского, французского, шугнанского и русского языков. В языковом обиходе есть совокупность серьезных проблем, связанных с теорией и типологией личных местоимений, к их числу приписываются такие как: универсальные категории личных местоимений; функциональные типы употребления местоимений: дейксис и анафора; местоимения в ряду других лексико– грамматических средств референции.

Объект исследования – личные местоимения, состоящие в современном таджикском, французском, шугнанском и русском языках, каждый из которых различны по своей строевой системе.

Цель исследования – детальное изучение разноаспектных качеств и функций личных местоимений в таджикском, французском, шугнанском и русском языках, базируясь на основе сопоставительно– типологического анализа. Кроме того, в цель данного исследования входит рассмотрение грамматических категорий в выбранных языках и определение специфических особенностей в каждом из них.

В пользу достижения положительного результата и указанной выше цели, перед нами была предпринята следующая перечень **задач**:

- дать теоретический обзор, проводимый учеными в плане сопоставительного исследования личных местоимений в разносистемных языках;
- выявить общепринятую характеристику, определить структуру грамматических категорий местоимений в исследуемых языках;

- выявить и описать сходства и различия в семантических, синтаксических и прагматических функциях личных местоимений в выбранных выше языках;
- проанализировать и описать категории, личных местоимений в таджикском, французском, шугнанском и русском языках.

Научная новизна работы обосновывает первую попытку провести исследование в сопоставительно– типологическом плане личных местоимений в таджикском, русском, шугнанском и французском языках. Мы рассмотрели особенности функционирования прономинальной системы отталкиваясь от подобного мышления, вследствие чего, нам удалось прояснить общие и специфические черты в семантическом, синтаксическом и прагматическом аспектах, а также, сопоставление грамматических категорий личных местоимений в разносистемных языках которые ярко отражают своеобразие в таджикском, русском, шугнанском и французском языках.

Методологическая база исследования основана на теоретических воззрениях таких ученых, как: И.И. Мещанинов, Л.В. Щерба, В.Г. Гак, В.В. Виноградов, Г.П. Немец, И.А. Бодуэн де Куртене, Б.А. Серебренников, У.С. Зекоха, А.И. Смирницкий, З.У. Блягоз, В.Н. Ярцева, Ю.А. Тхаркахо. Из иностранной литературы были учтены материалы трудов таких исследователей, как: Ш.Балли, О. Есперсен, Ф. де Соссюр, Латышев. В таджикском языкознание работы Б. Сияев, П. Авлиёвой, Н. Маъсумӣ, Ф. Зикрияев, С. Мирзоев, Х. Султонов, М.А. Нахангова, А. Каримов, Т. Бахтибеков, Д. Карамшоев, М. Аламшоев, С. Назарзода, А. Мамадназаров и др.

Теоретическое значение диссертации заключается в комплексности исследования, поскольку функции личных местоимений анализируются с позиций семантики, синтактики и прагматики. Представленный фактический материал, на наш взгляд, уточняет сведения о функциональности местоимений, подтверждая мысль о том, что основные характеристики языка проявляются в различных манифестациях.

Практическая значимость представленных в данной работе материалов могут быть полезны в ведении различных курсов по предметам «сопоставительное языкознание», «языкознание», «русский язык», «таджикский язык», «французский язык». Также особую ценность в работе имеют результаты анализа шугнанского языка в работе, которые могут быть использованы в различных языковедческих направлениях.

Материалы исследования могут быть использованы в научных и школьных грамматиках, будь то таджикская, русская, французская или шугнанская, поскольку освещают вопросы образования и

словоизменения местоимений, так как их функциональность исследована недостаточно.

На защиту выносятся такие положения, как:

- в таджикском, русском, французском и шугнанском языках местоимения, выделяясь как особая часть речи могут выполнять в предложении функции прилагательных, существительных, причастия и числительных.
- исследование прономинативных специфик функционирования в таджикском, русском, французском и шугнанском языках находит сходство и различие в каждом языке. Соотношение дейктической и анафорической функций в выбранных нами языках наиболее ярко проявляется в сочетании прямой и авторской речи в контексте и тексте.
- коммуникативный (функция, используемая при общении) аспект личных местоимений «**русс: вы/мы – фр: vous/nous – тадж: шумо/мо– шугн: maš– tama**» различаются в практике. Характерное для русскоговорящих людей форма обращения к множественному числу «**русс: вы – фр: vous – тадж: шумо – шугн: tama**» с подтекстом вежливости и уважения не воспринимается во французском и шугнанском языках и является непривычным для этих народностей.

Методы исследования – описательный, сопоставительно–типологический метод. В состав такого метода входят более распространенные тонкости, такие как: сопоставительный анализ и синтез, дедукция и индукция, классификацирование, описание и обобщение.

Личный вклад соискателя состоит в сборе, обработке, анализе исследуемого материала и обобщение полученных результатов. Соискатель представил аналитический обзор литературы по исследуемой теме. Основные результаты получены соискателем самостоятельно.

Апробация работы. Работа обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры сопоставительного языкознания и теории перевода Таджикского государственного института языков имени Сотима Улугзода («__24__» «__12__» 2021__г., протокол заседания №__7__). По теме диссертации опубликованы 3 статьи в научных журналах, включенных в Перечень ВАК РФ.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, а в конце прилагается библиографический список.

Основное содержание диссертации

Во введении обосновывается выбор темы, её актуальность, определяются объектом и предмет исследования, сформулированы цели и задачи работы, её методологическая база, установлено теоретическое и

практическое значение результатов исследования, определены положения, выносимые на защиту, отмечается научная новизна.

В первой главе «Теоретические аспекты исследования местоимений в языках различного строя» рассматриваются теоретические основы местоимений в языках различного строя и которая состоит из трёх разделов.

Местоимения – это естественная историческая, не меняющаяся по образу функционирования группа. В данной группе собрались воедино участки высшего ряда, которые имеют близкую взаимосвязь с другими организационными частями речи. Каждая ветвь из целого местоимения как композита внушающе однообразны как по внутренним, так и по внешним данным. Такому ходу событий соответствуют различные аспекты, одним из которых является, в частности, происхождение указательных морфемных единиц, которые иначе называют «указательными». Таким образом, мы можем констатировать, что посредством их образуются некие языковые приватные и недоступные системные поля, в число которых не входят неологизмы и заимствованные слова. По словам Лайонза: «Чрезвычайно важную роль в системе любого языка играют первостепенные разряды местоимений – указательные, вопросительные и личные. Они развиваются в тесной связи друг с другом, а зачастую имеют общие этимологические источники – дейктические частицы, из которых одни специализируются как указательные, другие как личные, третьи – как вопросительные или вопросительно– относительные местоимения» [Лайонз, 1978, 23]. В работах по истории местоимений фактор системности не всегда учитывается, но акцент делается на тип и характер каждой местоименной единицы, также на их форму и родственную связь с другими членами предложения. Здесь необходимо отметить работу Б. Сияева по истории развития и функционирования местоимения в таджикском языке. В ходе проведенного исследования мы предприняли попытку изучить всю суть системного давления, оказываемого на местоимения, для этого нам понадобилось раскрыть изначальную форму местоимений, и тех частей речи, которые от них рождаются, к примеру, ими могут быть прилагательные, наречия, частицы и союзы (союзные слова). Необходимо отметить работы Бахтибеков Т, Карамшоев Д, Аламшоев М и Файзова М в памирских языках.

Во многих источниках мы заметили некую распространенную тенденцию не полностью оценивать всей ценности и важности именно местоименных групп, зачастую исследователи разного ранга не подходят к этой части речи с необходимой серьезностью, что весьма зря. Исходя из внешних неярких и малообъемных показателей местоимений, ученые воспринимают их менее ответственно нежели иные части речи, однако местоимения ничем не уступают тому же подлежащему и сказуемому в

языке и грамматике. Во французском языке необходимо отметить важные исследования В. Гака, Ш. Балли, Ф. Брюно, Е. Реферовская и др.

Во втором разделе рассматривается «**Местоимения в системе частей речи в разносистемных языках**». Местоимения (например, в индоевропейских языках) обладают определенными чертами сходства с существительными и прилагательными. Лично – предметные местоимения, подобно прилагательным, обозначают признаки предмета. Местоимениям свойственны основные морфологические категории существительных. Они способны выступать в предложении в тех же синтаксических функциях, которые присущи существительным и прилагательным – подлежащего, прямого и косвенного дополнения, определения, предикативного члена. Все это давало повод некоторым языковедам не признавать местоимения в языке, равно как и во многих современных индоевропейских языках, отдельной частью речи и распределять их между существительным и прилагательными (местоименные наречия относят обычно к числу наречий и те авторы, которые сохраняют местоимения в качестве отдельной части речи). Некоторые местоимения способны выступать в качестве заместителей имени; так, среди таджикских местоименных в роли заместителя имени могут выступать лично– предметные: **тадж: вай, ӯ, вайҳо, онҳо, ошон – русс: то, тот, те, они, шугн:yo, wað фр: celui– là, celles– là указательные тадж: ин, он, ҳамин, ҳамон, шугн:yam, yo, mað, wað – русс: этот, эти, это, эта, ce, ces, cette, celui– ci, celles– ci.**

Так, в русском языке местоимения, в список исключения входят притяжательные местоимения, такие как: **русс:«его/ ее/ их», фр: «son/ sa/ leur», тадж: «аз они вай/ӯ/ аз они онҳо» шугн: «wend/ wamand/ wefand».** Они не имеют родительного падежа со значением принадлежности; лично – предметные местоимения не могут иметь при себя небособленных адъективных определений, и т.п.

Подробное исследование в диахронии таджикского местоимения произведено Б. Сияевым в его докторской диссертации и монографии. Исследование Б. Сияева имеет цель анализировать распределение форм местоимений, в особенности, функционирование местоимений таджикского языка в историческом аспекте. В его работе выявлен по периодам и текстам изменение синтаксических функций различных разрядов местоимений. Что касается личных местоимения в работе Б. Сияева основной акцент сделан на рассмотрение категории лица, числа, историю функционирования и изменения в парадигмы личных местоимений в таджикском языке [Сияев, 2003, 44].

В таджикском языке, где основным типом определительных инструкций является изафетное словосочетание, в котором определение находится в постпозиции к определенному, а для большинства местоименных определений характерна, напротив, препозиция. Если обратиться, например, к французскому языку, то, как и во многих других

современных индоевропейских языках, в нем выступает весьма сложное соотношение грамматических признаков, по которым местоимения противостоят другим словам и признакам, которые сближают местоимения с другими частями речи. Так, личные местоимения предоставлены парами однокоренных форм тождественного значения, одна из которых употребляется атрибутивно, другая – абсолютно. В отличие от прочих частей речи, французские местоимения сохраняют специальные формы среднего рода, связанные с выражением категории одушевлённости и неодушевлённости [Гак, 1989,67].

Личные местоимения сохраняют остатки склонения. Подавляющее большинство местоименных форм не допускает употребления артикля (ни в атрибутивной, ни в абсолютной функции), у остальных местоимений его использование имеет особое значение. Местоимения, как правило, не могут быть исключительно препозитивны (черта, общая с числительным) и др.

В некоторых случаях процесс прономинализации ведет к полному переходу существительного, прилагательного или наречия в состав местоимений. Таким был, например, путь немецкого местоимения **man** «некто», «что-то», возникшего из существительного **mann** «мужчина», «человек», или французского «он»некто», происходящего из латинского **homo** «человек». В других случаях прономинализация коснулась только значения, не сопровождаясь преобразованием звукового облика слова и грамматической его трансформацией. Такой тип прономинализации, наиболее частый, широко представлен в русском языке (*например, друг друга – якдигар – l'un l'autre – yakdigar*) [Буслаев, 1869, 180]. как и в таджикском, в котором в состав местоимений оказались втянутыми, например, числительные (як – **un une**– один– **yiv**), прилагательные, в том числе и арабского происхождения (*например, фалон, баъзе– un tel, quelques– такой– то, некоторые– ilav*).

Встречные процессы разложения древнего класса местоимений и пронаминализации некоторых имен привели В.В.Виноградова к выводу о том, что «понятие местоименности в современном языке – понятие лексико– семантическое» иначе, говоря, что местоимения выделяются прежде всего с точки зрения их значения, а не по грамматическим признакам [Виноградов, 1938,324]. В таджикском языке можно выделить следующие лексические группы слов, тяготеющих по своей семантике и употреблению к классу местоимений, хотя еще и не вошедших в его состав.

Группа существительных, сочетающихся с указательными, вопросительными, определительными, неопределенными местоимениями и образующих, таким образом составные местоимения с указанием на объективные данные предмете. Таких слов довольно много, но процесс грамматикализации их не всегда можно считать завершено.

Очень распространенным является и сочетания имени с гуна с местоимениями:

Тадж: «*Дар ин гуна сафар миёни мо туркмано чандин бор задухӯрд воқеъ мешуд*» [Айни, Раб1935, 44].

Русс: «*Во время таких поездок не раз происходили битвы между нами и туркменами*».

Фр: «*Pendant de ces voyages, il y avait de nombreuses batailles entre nous et les Turcménes*».

Шугн: «*Di jinow safarand maš bain – ardat turkmanen yid sut* »

В третьем разделе рассматривается «**Морфологические категории и формы местоимений во французском языке**».

В выборе форм местоимений проявляются свойственные им грамматические категории. Существует семь общих категорий, распространяющихся на разные группы местоимений: предметность, одушевленность, определенность, число, род, синтаксическая функция (они отражают свойства референта или категории замещаемого имени), и самостоятельность (автономность), свойственная самим местоимениям.

Имеются и категории специфические для отдельных групп: лицо (у личных и притяжательных местоимений), указательность (у указательных) и др. В большинстве случаев все это – классификационные категории, различающие отдельные местоименные слова, лишь род и число в некоторых случаях являются словоизменительными (местоимения изменяются по роду и числу).

Категории неодинаково распределяются по классам местоимений во французском языке и внутри них. Род и число различаются у одних относительных местоимений (**lequel/ laquelle/ lesquels – который, которая, которые**) и не различаются у других “**qui**”. Многие формы полифункциональны (nous выполняет те же функции, что четыре разных местоимения в 3– м л. м. р.: **ils – leur – les – eux**). Сохраняются пережитки прежних норм употребления. Все это делает систему местоимений сложной, малоустойчивой, трудной для анализа и изучения. От классической эпохи (17– 18 вв.) до настоящего времени наибольшие изменения в грамматическом строе французского языка касаются норм употребления местоимений.

Предметные формы местоимений указывают на референт, обозначаемый именем существительным. Непредметные соотносятся с иными частями речи: прилагательными, инфинитивами, целыми предложениями, десубстантивированным существительным. Они указывают также на «неименуемый референт». Значение непредметности проявляется только в употреблении форм 3– го лица и наиболее четко – в оппозиции **le neutre V /1e, la, les**.

Например: фр: Savez – vous sa date de naissance. – Je la sais [Попова, 1975, – 66] . – *Русс: Знаете вы её дату рождения? – Это я знаю. – Тадж:*

Шумо рӯзи таваллудаширо медонед? – Ҳа ман инро медонам. – Шугн: Wam ruzi tavalud famiyo? – Di wuz fatim.

Предметные референты могут быть одушевленными или неодушевленными. В личных местоимениях это различие проявляется в следующих оппозициях во французском языке.

– приглагольные местоимения **lui/у**:

фр: Je lui fais confiance (à cet homme) [Гак, 1978,37]. – русс: Я доверяю ему(этому мужчине). – тадж: Ман ба вай бовар мекунам(ба ин мард)

– шугн: Wuz werd bovāri dām (de čorikard)

фр: J’y fais confiance (à ces paroles). – русс: Я верю этому (этим словом).

– тадж: Ман ба ин бовар мекунам (ба ин гапҳо). – шугн: Wuz devard bovāri dām (dev gapen).

– приглагольные/автономные местоимения с предлогом: **у, lui, en/de lui,**

фр: J’y pense – я думаю об этом [Шугаревская, 1970,56].

– тадж: Ман дар бораи ин фикр мекунам. шугн: Wuz dar borai de fikre kinum. фр: Je pense à lui – русс: Я думаю о нем. – тадж: Ман дар бораи

ӯ фикр мекунам. – шугн: Wuz dar borai wi fikre kinum.

– предлог + автономное местоимение/наречие : **hors de lui/dehors.**

фр: Ils sont sortis hors de la ville. – русс: Они вышли из города. фр: Ils sont

sortis dehors. – русс: Они вышли на улицу. – тадж: Онҳо аз шаҳр баромаданд. – Онҳо ба кӯча баромаданд. – шугн: Wađen az xār naħtoydl

Wađen tar kuča naħtoydl.

В указательных местоимениях французского языка эта оппозиция проявляется в том, что *cela, ceci* не употребляются по отношению к одушевленному референту.

В относительных местоимениях французского языка: *à qui* относится только к одушевленному, *à quoi* к ним относиться не может.

В вопросительных местоимениях французского языка: **qui? – кто? à qui? – у кого?** относятся только к одушевленному, тогда как **que? что? – à quoi? – чему?** указывать на них не могут.

В неопределенных местоимениях данная оппозиция выражается противопоставлением: **personne – никто – одам – odam, quelqu’un – кто –** **нибудь – касе – arčausa, quelque chose – что –** **нибудь – чизе – arčizca**

Однако в целом в системе местоимений оппозиция «одушевленность/неодушевленность» проявляется недостаточно четко и последовательно. Между явно одушевленным референтом – говорящим лицом – и неодушевленным находится промежуточная группа – животные, для обозначения которых в языке нет особых местоимений, так что в речи они обозначаются то формами одушевленности:

фр: Tiens le chien. – русс: Держи собаку. – тадж: Сагро дор. – шугн: De

kud anja. – фр: je lui passerai le collier. – русс: Я надену ему ошейник –

тадж: Ман гарданбандро ба гарданаш мебандам. – *шугн:* Wuzta we makard vaḥ weḍum.

а не: j'у passerai, то формами неодушевленности *фр:* Qui voyez– vous? [Хут, 1977,16]. – Кого вы видите? – *тадж:* Шумо киро мебинед? – *шугн:* Tamata ċi wenet? может относиться только к человеку, не к животному). Поэтому некоторые авторы считают, что правильнее говорить не об одушевленности/неодушевленности, но об оппозиции «лицо/вещь» (если животные не принимаются во внимание), либо лицо/не– лицо (если животные включаются в одну группу с предметами).

Во второй главе «Функционально – семантические особенности личных местоимений в таджикском во французском, русском и шугнанском языках». В данной главе рассматривается функционально – семантические особенности личных местоимений в разноструктурных языках.

Раздел 2.1. Семантическая структура личного местоимения первого лица единственного числа в таджикском литературном языке.

Личное местоимение первого лица единственного числа в литературном таджикском языке до сих пор не становилось предметом специального анализа. Между тем, «каждое слово особый микромир, изучить тайны которого не только необходимо и поучительно, но и увлекательно». В работе предпринимается попытка анализа семантической структуры личного местоимения первого лица в литературном таджикском языке.

Личным местоимениям, как и другим указательным словам свойственно дейктическое значение, т.е. «*тадж:* ман – *русс:* я – *фр:* je – *шугн:* wuz» получает лексическое наполнение лишь в речевой ситуации и имеет экстралингвистическую референцию, которую можно установить в пределах речевой ситуации. В научных работах и учебниках по таджикскому языку отмечается, что «*тадж:* ман – *русс:* я – *фр:* je – *шугн:* wuz» обозначает говорящего. Данное определение следует квалифицировать как одностороннее, ограниченное и недостаточное. На самом же деле «*тадж:* ман – *русс:* я – *фр:* je – *шугн:* wuz» – это многозначное слово с вежливыми эквивалентами и субститутами, которое вполне заслуживает отдельного исследования.

Уместно отметить, «*тадж:* ман – *русс:* я – *фр:* je – *шугн:* wuz» имеет преимущественное употребление в автобиографических произведениях. В других произведениях от I– го лица автор вводит вымышленного повествователя в лице одного из персонажей описывающего события, в которых он принимал участие или очевидцем которого он был. «*тадж:* ман – *русс:* я – *фр:* je – *шугн:* wuz» может относиться не непосредственно к производителю речи в данном речевом акте, а к третьему лицу, о котором обычно что– либо сообщается. В таких примерах одно лицо как бы получает две номинации: одно авторское *тадж:* ў,вай/ *русс:* он,она/ *фр:* il,elle/ *шугн:* yo/, второе собственное «*тадж:* ман – *русс:* я – *фр:* je –

шугн: wuz» В данном случае имеет место внезапный ввод в текст личного местоимения I– го лица, заменяющего регулярное в подобных примерах 3– е лицо. Внезапная замена номинации лица не нарушает, однако, связность и понятность текста, так как прочно подготовлена ориентированностью предшествующего микро контекста на разговорную речь.

Например: *тадж: Рӯзе дар маҷлиси Султон Ҳусайнмирзо сухан дар бораи лаълҳои калони пурқиммат мерафтааст, ӯ гуфтааст, ки дар хазинаи давлати ман лаъле ҳаст, ки дар хазинаи ҳеҷ подшоҳе нест* [А. С, 17].– *русс: Однажды в заседание Султана Хусайнмирзо заговорили о большом драгоценном камне, он сказал, что в сокровищнице моего государства есть драгоценный камень, которого нет в сокровищнице ни одного короля – фр: Une fois dans la réunion du Sultan Houseinmirzo, ils ont commencé à parler d'une pierre précieuse, il a dit que dans le trésor de mon état il y a une pierre précieuse qui n'est pas dans le trésor d'aucun roi. шугн: Yi ruz tar Sul-ton Xuseyn majlis gap dar borai qimat– lal tuyd yu lod – ide mu hazina– and lal yast– ide ičidom podħoyand wi hazina– and id nist.*

В данном случае «*тадж: ман – русс: я – фр: je – шугн: wuz*» как и любое другое слово, может быть коммуникативным центром высказывания и основным фокусом речевой ситуации:

При олицетворении «*ман – я– je – wuz*» указывает на любое живое существо: Например: *тадж: Лекин ту маро гӯр карда наметавонӣ, ман Доно мегӯю халос... [А. С, 27]. русс: Но ты не можешь меня похоронить, ты говоришь, что я умный и всё. фр: Mais tu ne peux pas t'enterrer, tu dis, que je suis intelligent. шугн: Amo tu mi gur čid navardīye, faqat love wuz– um dono.*

Под стилистическими особенностями местоимений понимается случаи употребления одного местоимения в роли другого, которые называются транспозицией. Явление транспозиции касается личных местоимений. Как известно, самым распространенным случаем местоименной транспозиции является употребление местоимения I– го лица множественного числа, вместо местоимения I– го лица ед.ч. Это явление широко распространено в таких языках как русский, узбекский, дари и др. Названная транспозиция имеет широкое употребление и в таджикском языке.

При употреблении одного местоимения в роли другого происходит определенное изменение в семантике этих местоимений. Например, когда употребляем «*тадж: мо – русс: мы – фр: nous – шугн: maš*» вместо «*тадж: ман – русс: я – фр: je – шугн: wuz*» то синтагматическое значение « *тадж: мо – русс: мы – фр: nous – шугн: maš*» не совпадает с его парадигматическим значением. Другими словами, «происходит столкновение парадигматического значения с синтагматическим значением, в результате чего и возникает стилистический эффект».

Причины местоименной транспозиции называются исследователями следующие:

1. во избежание «яканья»,
2. для выражения скромности,
3. во избежание категоричности/ в научном стиле/,
4. с целью сближения с коллективом, и др.

В исследовании, посвященном местоимениям таджикского языка, не дается характеристики местоименной транспозиции «*тадж: мо – русс: мы – фр: nous – шугн: maš*». Отдельные замечания по этому вопросу мы находим в работах, посвященных языку того или иного автора художественного произведения. В академической грамматике таджикского языка отмечается употребление «*тадж: мо – русс: мы – фр: nous – шугн: maš*» вместо «*ман– я – је – wuz*» для выражения скромности. Между тем следует отметить, что в современном таджикском языке названная транспозиция – не единственная местоименная транспозиция.

При анализе фактического материала мы установили, что в процессе формирования речи возможны следующие местоименные транспозиции: *тадж: мо – ман – русс: мы – я фр: nous – је шугн: maš – wuz тадж: ту – русс: ты – фр: tu – шугн: tu – тадж: ман – русс: я – фр: је – шугн: wuz, тадж: шумо – русс: вы – фр: vous – шугн: tama – тадж: ман – русс: я – фр: је – шугн: wuz.*

тадж: «Ман инро аз шумо анча нештар шунида будам, мулло Пулод – Чоряккор калимаи мулло Пулодро махсус талаффуз намуд». – русс: «Я слышал это давно, Мулло Пулод – Чоряккор специально произносил слово Мулло Пулод». – фр: «Il y a longtemps je l'entendu Mullo Poulod – Choryakkor a utilisè le mot Mullo Poulod spécialement». – шугн: «Wuzum rigoyaf de xud xalifa Pullod – Çoryakkore kalimai xalifa Pullod maxsus talafuz čud» [Маъсуми, 1954, 150].

тадж: «Мо хонда истодаем. Оё хабар дорӣ?». – русс: «Мы читаем. Ты об этом знал?». – фр: «Nous lisons. Tu sais cela?». – шугн: «Maš ҳоям. Tama fameto?»

тадж: «Аmmo, некин мо ҳам чӯра боз, қадри чӯрагиба мерасем, балоша гирам чӯрая». – русс: «Но, что ж, мы снова будем друзьями, у нас все будет хорошо». – фр: «Mais nous redeviendrons amis, tout ira bien pour nous». – шугн: «Maštaš vo rafiқ savam mašandta fuc soz sud».

Если в примере говорящий, обозначая себя местоимением «**МО**», приближает себя с коллективом, то в примере он выражает свою важность, свое величие перед другими лицами. Особенно часто транспозиция «*тадж: мо – русс: мы – фр: nous – шугн: maš*» – «*тадж: ман – русс: я – фр: је – шугн: wuz*» имеет место в научном стиле речи, во избежание выражения категоричности: «*тадж: ту – русс: ты – фр: tu – шугн: tu*» – «*тадж: ман – русс: я – фр: је – шугн: wuz*»

Тадж: «Ин кист, ки маро мебарад?» – худ аз худ мепурсидам ва дар дил мегуфтам, ки ҳарчи бошад шуқр кун, ки туро аз пули сироти дӯзах гирифта мегузарад » [А. Р, 67]. – русс: «Кто это ведет меня?» – я спросил себя и сказал про себя, будь благодарен, что он унесет тебя с моста ада». – фр: « Je me suis demandé et j'ai dit dans mon cœur : sois reconnaissant qu'il t'emmène sur le pont de l'enfer». – шугн: «Yed čai tu çayest? Az xuta xu diland lum kuluḫ lu yota tu tar bixišt çayest ».

Личные местоимение тадж: «Вай – ū». – русс: «он, она». – фр: «il, elle». – шугн: «yo». – тадж: «ман». – русс: «я». – фр: «je». – шугн: «wuz»:

Тадж: «Оҳ Боря, агар аз ман мепурсиданд, ки ба чанат меравӣ ё дар Хуҷанд мемонӣ, ман дуйумаширо интихоб мекардам» [Тоджиев, 1948 ,77]. – русс: «О Боря, если бы меня спросили, попаду ли я в рай или останусь в Худжанде, я бы выбрал второе». – фр: «O Borya, si on me demandait si j'irais au ciel ou resterais à Houjand, je choisirais le deuxiém». – шугн: «O Borya az muta capexcen tar Janata saviyo ar xujandta rese uzta duvum intihob kinum»

Как видно из примеров, употребляясь вместо *«тадж: ман – русс: я – фр: je – шугн: wuz»*, другие местоимения изменяются только семантически, причем иногда требуется вовлечение большого контекста, чтобы определить перенос значения этих местоимений с одного лица на другое. При этом они остаются неизменными синтаксически, что выражается их согласованием с глаголом соответствующих лиц. Чаще всего семантическая замена одного местоимения другим происходит в речевых ситуациях, выражающих внутренней мир персонажей. Переключение на другое лицо позволяет говорящему/ думающему/ рассуждать о себе глазами постороннего и говорить/ думать/ об интимных подробностях без излишнего стеснения.

Раздел 2.2. Семантическая классификация местоимений во французском языке во французском языке местоимения обладают многими специфическими особенностями. Основные дискуссионные вопросы, связанные с местоимениями – это правомерность выделения местоимения как части речи; деление местоимений на именные элементы (**nominaux**) и заместители (**representants**) и статус с этих двух групп внутри местоимений; включение в их состав местоименных прилагательных (**on, ton, ce** и т.п.); природа преглагольных местоимений (**je, me**).

Существуют два способа опосредованного указания на объекты: дейксис – указание с точки зрения говорящего, который находится в центре речевой ситуации. Такая функция свойственна местоимениям 1 – 2 – го л., притяжательным, указательным. Во фразе человека, выбирающего книги – фр: «Je prends celui – ci – русс: Я возму

это» – тадж: «Ман инро мегирам – шугн: Wuzta de zem». Слово *je* обозначает говорящего, ибо он произносит данную фразу, а *celui – si* обозначает предмет, на который он указывает; б) анафора – указание на объект путем отсылки на предыдущее (реже – последующее) обозначение его в тексте.

Фр: Voyez cet homme bizarre – русс: Видите этого странного человека! – тадж: Шумо ин одами аҷибро мебинед – шугн: Tama de ajoib čorik weneto. Фр: Le connaissez – vous – русс: Вы знаете его? тадж: Шумо ўро мешиносед – шугн: Tama de fameto?

Раздел 2.3. Личные местоимения в русском языке характеризуются последовательным изменением по падежам и наличием у части слов (он) категорий рода и числа. Личные местоимения делятся на местоимения первого лица – я, мы\ местоимения второго лица – ты, вы и местоимения третьего лица – он (она, оно, они).

Личностное местоимение «я» указывает на говорящего человека, например:

русс:«Я» – пойду завтра в кукольный театр. – тадж:«Ман» пагоҳ ба театри лухтак меравам». фр: «Demain j'irai au théâtre de marionnettes» шугн:«Хумнета тар јинјитак театр sawam»

Личностное местоимение «ты» указывает на субъект, к которому относится речь, например,:

Русс: «На обед «ты» хочешь борщ или картофельное пюре?». – тадж: «Барои хӯроки нисфирӯзӣ «ты» борщ ё пюре картошка мехоҳед?». – фр: «Tu» veux du borsh ou de la purée de pommes de terre pour le déjeuner? «Obedand turd borch yo kartochka forto ?»

Личностное местоимение русского языка «он/она/оно» указывает на человека, который не является участником диалога, другими словами, на посторонний субъект. Данное местоимение («он/она/оно») имеет форму первого и второго лица, и отличается от других тем, что с его употреблением не обязательно дополнительное называния говорящего или собеседника, например: *«он» хорошо играет на фортепиано, «он» обладает глубоким талантом астрологии, «он» является олимпийцем, и выиграл золотую медаль, «она» открыла занавесу тайны перед иностранными зрителями, «она» любит розовый цвет, «она» носит высокую элегантную обувь, пусть «оно» останется секретом между нами, «оно» предстало перед моими глазами во сне, «оно» вскоре еще даст о себе знать.*

Если затронуть иную категорию – с морфологическим уклоном, определяющую мужской, женский и средний род местоимений, то можно отметить, что они подразделяются надвое:

местоимения, которые не обладают морфологическим подтекстом и смыслом (в определении рода) – «я/ты», например:

Русс: «Я уже в предвкушении завтрашнего вечера», «ты отвезешь меня с собой на рыбалку?» – тадж: «Ман аллакай бесаброна шаби фардоре интизорам», «маро бо худ ба шикори моҳӣ мебарӯ?» фр:« J'ai déjà hâte à demain soir » « tu me prendras pour pecher ?»

местоимения, которые обладают морфологическим значением (в определении рода) – «он», например:

русс: «Он ожидал увидеть такое количество мячей на корте» – тадж:«Дар майдон ин кадар туб диданро интизор набуд» фр:«il ne s'attendait pas à voir autant de ballons sur le court de tennis»

При использовании местоимений «я/ты» говорящий должен предопределять свою речь и ее направление в сочетании со словами в мужском, женском, среднем роде. Это был первый способ, а второй – это сочетание со словами, которые приходятся в предложении в роли подлежащего или сказуемого.

Сам же выбор: «в каком роде будет стоять слово» зависит от того лица, на которое указывает местоимение, например:

Русс: «Мне донесли от лица преподавателя МГУ, что я прошла все экзамены успешно» – тадж:«Ба ман аз номи муаллими Университети давлатии Москва хабар доданд, ки ман хамаи имтихонхоро бомуваффакият сунурдам» фр:«Au nom du prof de l'Université de Moscou on m'a porté que j'ai passé tous les examens avec succès» [Плунгнян, 2003– 88]

Значение множественного числа у личных местоимений выражается словами мы и вы; эти слова обозначают, что лица, на которые указывают местоимения, представлены в количестве, большем, чем один. Значение мн. ч. у личных местоимений имеет ряд особенностей.

Слово мы не обозначает множественности говорящих (мы – это не несколько я), а указывает на группу лиц, среди которых находится и говорящий; мы – это (я и ты), или (я, ты и вы), или (я и они), или (я, ты и они): Мы в круге млечного пути, Земные замерли мечты. Мы можем ввысь перенести Свои надежды – я и ты (Блок); Одна женщина звонила мне по телефону. Я был болен. Поговорили. Сказал, что сижу дома. А она мне говорит, уже вешая трубку: «Мы сегодня идем в театр». Так как я только что с ней говорил, то не понял: Кто же мы? Я болен. До чего неверно!

Раздел 2.4. Личные местоимения во французском языке Во французском языке личные местоимения 3-го лица различаются по указанию на грамматический род замещаемых существительных; ср. формы единственного числа: *фр: il – русс: он – тадж: вай, ӯ – шугн: уо (мужского рода), фр: elle – русс: она – тадж: вай, ӯ – шугн: уа (женского рода);*

Например, всем неударенным формам личных местоимений соответствуют ударенные, причем неударенные выступают исключительно в приглагольном употреблении, как бы заменяя утраченные личные флексии глаголов. Ударенные формы могут употребляться независимо от наличия или отсутствия в предложении соответствующих неударенных местоимений; *фр: Je pense, moi [Benveniste, 1966, 66]. – русс: ‘я думаю’ (je – ‘я неударенное, moi – ‘я ударенное); – тадж: Ман фикр мекунам. – шугн: Wuz fikriyom. – фр: Qui est là? – Moi. – русс: ‘Кто там? Я (в данном случае употребляется только ударенное moi ‘я)’ – тадж: Кӯ? Ман. – шугн: Ćaiat? Wuzum.*

В грамматике французского языка в случае безличных предложений в речи употребляется мужской род, личного местоимения третьего лица («он») в единственном числе, например: *«il pleut – дождь идет – борон борида истодааст –; il semble – кажется – gũё ki –*

Во французском языке различие между самостоятельными и служебными (приглагольными) формами особенно важно. Самостоятельные и приглагольные местоимения как бы поляризуют свойства русских местоимений. Последние не обязательны при глаголе, но могут выступать при нем в качестве подлежащего или дополнения. Французские приглагольные местоимения обязательны, если отсутствует словесное выражение подлежащего, а иногда и объектов.

Со своей стороны, самостоятельные, особенно moi и toi, не могут сочетаться с глаголом. Нельзя сказать *«Moi suis venu; Je vois toi; J'ai invité lui»*. Самостоятельное местоимение без предлога обычно выступает во фразе в роли обособленного члена – сегмента. Синтаксическая функция его уточняется приглагольным местоимением: *«Moi, je trouve la bien» (субъект); Moi, m'est egal (косвенный объект)*. Отклонения от этого правила употребления самостоятельных местоимений наблюдаются:

в) при выделении или противопоставлении: *фр: «Je ne vois que toi» [Гак, 1989, 96] – русс: «Я вижу только тебя»; – тадж: «Ман танҳо туро мебинам»; – шугн: «Wuz tu dund winum»; – фр: «J'aime mieux toi que ta soeur» – русс: «Ты мне нравишься чем твоя сестра»; – « Назар ба хоҳарат ту ба ман маъқули »; – шугн: «Nazar bar xu yax tut murd xiş»; – фр: «Mais il y a moi» – русс: «Но есть Я»; тадж: «Аммо ман ҳастам»; шугн: «Амо wuzum yast»; – фр: «Je te represente toi jeune, rieuse»; – русс: «Я представляю тебя молодой, смеющийся»; – тадж: «Ман туро*

tasavvur mekunam, ki çavon va xandon ҳастӣ»; – шузн: «*Wuz tu yoşat ŝunçajin tasavur kinum*».

б) в функции подлежащего при наличии уточнителей: *moi aussi* я тоже, *toi seul*– ты один, *moi*– *me* я тоже; в) при обо значениях совокупного подлежащего вместе с другим словом *фр*: «*Vers deux heures ma mere et moi etions simplement extenués par ses remarquables improvisations*» – *русс*: «*Около трех часов я и моя мама были просто изнурёнными его замечательными импровизациями*» – *тадж*: «*Тақрибан се соат ману модарам аз бадеҳагӯи аҷоибӣ ӯ ҳаста шудем*» – шузн: «*Arai soat sut mot mi nanam az we badei lovdov mot sat*». Французские личные самостоятельные местоимения – слова с ограниченной синтаксической связью.

При исследовании категории числа личных местоимений наибольший интерес представляют три группы вопросов: 1) о системах форм числа; 2) о способах образования форм числа; 3) о сходствах и расхождениях по категории числа между именами и личными местоимениями. Противопоставление форм числа относится к наиболее характерным чертам личных местоимений. Как отметил В. Шмидт, формирование категории числа в языках началось у личных местоимений, точнее в сфере местоимений 1 – го лица, поскольку единство индивида наиболее отчетливо воспринимается в 1– м лице.

По выражению числа системы личных местоимений в большинстве языков двучленны: форме единственного числа противопоставляется форма множественного числа.

Склонение личных местоимений можно рассмотреть по трем аспектам:

- по количеству падежей, входящих в парадигму;
 - по способу образования форм падежей;
 - по взаимосвязи надежного склонения личных местоимений и имен.
- По первому аспекту личные местоимения нами не будут рассмотрены. Отметим лишь, что системы личных местоимений по количеству падежей весьма разнообразны.

В одних языках личные местоимения (или некоторые из них) вообще не склоняются (например, французские ударные *moi* *ся*, *toi* ‘ты и т. д.), в других они изменяются по немногим падежам (например, в русском языке). Способы образования падежных форм также весьма разнообразны, тем не менее по данному аспекту мы ниже попытаемся выявить некоторые закономерности.

По склонению личные местоимения могут отличаться друг от друга; нередко по одному типу склоняются личные местоимения 1 – го и 2 – го лица, по другому типу – местоимения 3– го лица, падежные формы от местоимений единственного числа образуются часто иначе, чем эти же формы от местоимений множественного числа.

По нашему мнению, вопрос о первичности указательных или личных местоимений, как и вопрос о путях их развития, можно решить только исходя из того факта, что личные местоимения и их роль в языке неоднородны. Местоимения 1–го и 2–го лица существенно отличаются от местоимений 8–го лица.

Кроме того, личные местоимения 1–го и 2–го лица по своим языковым функциям более резко отличаются от указательных местоимений, чем личные местоимения 3–го лица. При помощи личных местоимений 1–го и 2–го лица указывается на самого говорящего или на самого собеседника, в то время как с помощью соответствующих указательных местоимений может быть указано только на сферу говорящего или на сферу собеседника. Кроме того, в отличие от указательных местоимений личные местоимения 1–го и 2–го лица не могут замещать существительные (хотя и употребляются только в субстантивных функциях) и могут относиться только к людям (о расхождении между указательными и личными местоимениями 1–го и 2–го лица).

Раздел 2.5. Личные местоимения в шугнанском языке изменяются и по числам, но их «нельзя проанализировать как связанные только противопоставлением, потому что «**mâš**» – это не «много я», а «**wuz** и другие», «**tama**» – это не много ты», а «ты и другие». Местоимения мн.ч. имеет инклюзивное и эксклюзивное значение. К местоимениям мн.числа **сне** и **tama** может присоединиться суффикс – **en**, употребляя для выражения вторичного мн.числа (**mâšam** «именно мы», **tamayet** «именно вы»)» [Аламшоев, 1992, 99].

Личное местоимение I л. ед.ч. изменяется по падежам (прямой **wuz** и косвенный – **tu**). Местоимение 2 л. ед.ч. **tu** «ты», а также местоимения мн.ч. «**mâš**» мы» и **tama** «вы» ко имеют формы косвенного падежа.

Косвенный падеж *шугн*: «**tu**», *русс*: «меня/мой», *тадж*: «**маро/аз они ман**», *фр*: **me/mon**» кроме значения дейктично – сти, используется для выражения посессивности: *шугн*: «**a virod, tu niyuu**» – *русс*: «**Ой брат, слушай меня**» – *тадж*: «**Э бародар маро гӯш кун**» – *фр*: «**Hey frère écoute moi**» – *шугн*: «**Mu mis xu qati tar kino yos**» – *русс*: «**Возьми меня с собой в кино**» – *тадж*: «**Маро бо худ ба синамо бар**» *фр*: «**Emmène – moi au cinéma**»

Все формы прямого падежа ед. и м. ч. употребляются субстантивно. При этом они постоянно выступают в роли подлежащего и именного сказуемого: *шугн*: «**Wuz – im red**» – *русс*: «**Я осталась**» – *тадж*: «**Ман мондам**» – *фр*: «**Je suis restée**» – *шугн*: «**Sozinda – yum wuz**» – *русс*: «**Певец – я**» – *тадж*: «**Ҳофиз манам**» – *фр*: «**Je suis chanteur**»

Обстоятельства в сочетании с существительными, предлогами или постпозитивными предлогами и частицами: **tar mu xez tar mu čid yad** – «**Приходи ко мне домой**».

При атрибутивном употреблении все личные местоимения прямого и косвенного падежей (кроме *wuz*) стоят перед определяемым именем и имеют значение посессивности: *yida, yid tu naqli tama- rd* – *Вот это вам мой рассказ.tut ičird darcor nest* – «Ты совсем ненужный человек (букв. Твоя душа в тупике, твоё копыто проклято)».

Местоимение **шугн**: «*yam*» – **тадж**: «*ин*» – **русс**: «эта» – **фр**: «се» в единственном и множественном числе, имеющие прямой некосвенный падеж в ближней степени удаления указывает на реальные вещи, предметы и объекты, находящиеся у говорящего. Они соотносятся с временным фактором и образуют целое предложение, например: **шугн**: «*yam kitob*» – **русс**: «эта книга» – **тадж**: «*ин китоб*» – **фр**: «*ce livre*»– **шугн**: «*yam verod*» – **русс**: «этот брат» – **тадж**: «*ин бародар*» – **фр**: «*ce frère*» **шугн**: «*mađ kitoben*» – **русс**: «эти книги» – **тадж**: «*ин китобхо*» – **фр**: «*ces livres*»– **шугн**: «*mađ veroden*» – **русс**: «эти братья» – **тадж**: «*ин бародархо*» – **фр**: «*ces frères*».

Косвенные формы слов:«*mi/nam*» стоят в единственном числе, а слово «*mev*» во множественном числе.

Данные слова обозначают предметы, объекты, которые лежат неподалеку от говорящего, к примеру:

шугн: «*Mi ze*» – **русс**: «возьми этот» – **тадж**: «*инро гир*» – **фр**: «*prends ça*», *данные отрывки имеют мужского рода.*

шугн: «*Mam yos*» – **русс**: «отведи эту » – **тадж**: « *инро бар*» – **фр**: «*emporte – le*» – **шугн**: «*tam vaz yos*» – **русс**: «отведи эту ее козу» – **тадж**: «*бузи инро бар*» – **фр**: «*emporte sa chèvre*».

Во множественном числе: **шугн**: «*mev vazen*» – **русс**: «этих коз» – **тадж**: «*ин бузхоро*» – **фр**: « *ces chèvres*; **шугн**: «*mev vazen ay ki*» – **русс**: «Прогони этих коз» – **тадж**: «*ин бузхоро сур кун*» – **фр**: « *chasse ces chèvre*».

В процессе использования такого типа местоимений (указательной формы) есть свои правила, которые необходимо придерживаться, так как без них адекватность и грамматический смысл пропадает. Одно из таких правил заключается в том, что они имеют способность функционировать после каждой прямой формы 3–х степеней удаления. Также после местоимения, которое стоит перед другим и вбирает в себя указательное значение. В случае не учитывания такого правила, в предложении второе будет указательным, а первое – притяжательным. В таких случаях прямые формы никогда не употребляются: **ya шугн**: «*wi kitob*» – **русс**: «его книга» – **тадж**: «*китоби вай*» – **фр**: «*son livre*»; **шугн**: « *tam dam kitob*» – **русс**: «эту ее книгу» – **тадж**: « *ин китоби вайро*» – **фр**: «*ce livre à lui* »; **шугн**: «*wam wam kitob – tu*» – **русс**: « *та ее книга*» – **фр**: «*ce livre – là* »; **шугн**: «*yam wi qalam*» – **русс**: «этот его карандаш» – **тадж**: «*ин қалами вай*» – **фр**: « *ce crayon à lui*»; **шугн**: «*mađen wef qalamen*» – **русс**: «эти их карандаши» – **тадж**: «*ин қаламҳои онҳо*» – **фр**: « *ces crayons à leur*»[Аламшоев,1992,120].

В средней степени находятся местоимения, по отношению к предметам и их лицам, находящимся рядом с говорящим и слушателем, и оба обязательно должны иметь в кругу своего зрения тот самый объект, также в отношении к человеку или предметам, находящиеся между не далеко и не близко и тоже видимыми объектами, *угн:* «*yid wän* – *русс:* «*эта/та ива (близкая, рядом или в поле зрения у говорящего)*» – *тадж:* «*ин дарахт*» – *фр:* «*cet arbre*»; *шугн:* «*yid buq*» – *русс:* «*том/этот бугор (чуть отдаленный от говорящего)*» – *тадж:* «*он тенна*» – *фр:* «*ce monticule*».

Порой «*yid*» утрачивает значение указания, функционирует косвенно, другими словами, когда говорящий находится рядом, но его не видно, например: *шугн:* «*yid – ta xi na – fämt*» – *русс:* «*он себя не понимает*» – *тадж:* «*ӯ худаширо намефаҳмад*» – *фр:* «*il ne se comprend pas*»; *шугн:* «*yid čorik suđj*» – *русс:* «*он стал мужчиной*» – *тадж:* «*ӯ мард шуд*» – *фр:* «*il a devenu homme*». В повествовательных предложениях «*yid*» в зависимости от контекста при аналогичной ситуации может заменить – «*yu/wi*» – «*он*», *шугн:* «*yu wi di čid darünand nüsč*» – *русс:* «*том/он сидит внутри этого дома*» – *тадж:* «*ӯ даруни ин хона нишастаст*» – *фр:* «*il est assis dans cette maison*»

Все косвенные указательные местоимения, стоящие в единственном числе изменяются по родам: *шугн:* «*wi tat tüyd*» – *русс:* «*его отец ушел*» – *тадж:* «*надари вай рафт*» – *фр:* «*son père sont allé*»; *шугн:* «*di tat/ wi tat kate kor kixt*» – *русс:* «*его отец работает с его отцом*» – *тадж:* «*надари вай бо надари ӯ кор мекунад*» – *фр:* «*son père travaille avec son père*»; *шугн:* «*wi tat nivišt*» – *русс:* «*его отец пишет*» – *тадж:* «*надари вай менависад*» – *фр:* «*son père écrit*»; *шугн:* «*dam tat pi dišid sifid*» – *русс:* «*ее отец поднялся на крышу*» – *тадж:* «*надари вай ба бом баромад*» – *фр:* «*son père est monté sur le toit*».[Карамшоев,1963,99].

Указательные местоимения обладают и формой числа. В ед.ч. *yam, yid, yu, ya* во мн.ч. *däđ, wađ* : *yid kitot* – *Эта книга; däđ kitoten.* – *Эти книги; yid tur. to seмя; däđ tubmen.* – *Эти (те) семена.*

Таким образом, проведенный нами сопоставительный анализ личных местоимений в таджикском, французском шугнанском и русском языках свидетельствует о наличии сходств и различий в этих языках. Так, в таджикском, французском шугнанском и русском языках местоимения, по семантической соотнесенности с другими частями речи и грамматическим особенностям, делятся на три группы: местоимения–существительные, местоимения–прилагательные и местоимения–числительные.

Что касается деления на разряды по значению, то во всех четырех языках в классе местоимений наблюдается соответствие большинства разрядов, за некоторыми исключениями, которые обусловлены историческим развитием языков.

В каждом языке наличествуют свои собственные закономерности, регулирующие выбор того или иного средства референции в каждом конкретном случае. Так, в русском, французском и шугнанском языках личные местоимения используются в дейктической и анафорической функциях. Основное семантическое отличие местоимений третьего лица от их коррелятов первого и второго лиц состоит в том, что первые обычно указывают на лицо или предмет, известные ранее, в то время как вторые – на участников акта речи;

Семантика личных местоимений во всех исследуемых языках не ограничивается собственно дейктическим или анафорическим компонентом, а включает ряд дополнительных смыслов – «предметность», «одушевленность», «пол» и др.

Исследуемый материал таджикского, французского шугнанского и русского языков показывает, что личные местоимения во всех языках выступают в синтаксической позиции подлежащего. В роли подлежащего могут выступать как местоимения первого, так и второго и третьего лиц единственного и множественного чисел, хотя продуктивность и разнообразие их функционирования неодинаковы. В этом и заключаются, главным образом, основные сходства и некоторые различия в предложениях с подлежащим, выраженным личным местоимением.

Анализ личных местоимений в синтаксической позиции сказуемого в разносистемных языках таджикском, русском, французском и шугнанском показал, что возможности местоимений в этом смысле неодинаковы. Во всех исследуемых языках личные местоимения могут выступать в роли сказуемого.

Функция дополнения является типичной для всех местоимений, а в частности личных. Это функция выделяется всеми учеными-лингвистами в области таджикского русского, французского и шугнанского языкознания.

На основе материала можно сделать вывод, что коммуникативная функция личных местоимений реализуется по – разному.

Характерное для русского языка использование формы множественного числа **Вы** для передачи вежливого отношения не свойственно французскому и шугнанскому языкам, где такое отношение выражается лексическим способом.

Личное местоимение **мы** во всех исследуемых языках (таджикском русском, французском и шугнанском) иногда заменяет форму единственного числа **я**. Такое употребление наблюдается, когда адресант включает себя в какую-либо группу людей, объединенных общим признаком (род занятий, возраст и т.д.). Это местоимение также используется в языке научного стиля изложения, где автор научного исследования излагает свои мысли при помощи множественного числа **мы**.

Метаязыковая функция личных местоимений, которая связана непосредственно с переводом в разносистемных языках, в очередной раз, доказывает, что эти местоимения неоднородны и разнообразны.

На наш взгляд, настоящая работа может являться базой, фундаментом для дальнейших изысканий функционального характера, наиболее перспективными направлениями в современной лингвистике, поскольку подлинно типологическая оценка языка должна основываться на глубоком анализе выразительных возможностей языков и общих условий функционирования языка как социальной коммуникативной системы.

Подводя итоги анализа местоимений и исследованиях таджикских, французских, русских и шугнанских лингвистов и в общем языкознании, то можно сказать, что в результате этих исследований были установлены следующие основные черты лексической и грамматической природы местоимений:

1) Основным признаком, присущим лексическому значению местоимений, является соотнесенность с субъектом речи.

2) Местоимения указывает не только на отношения говорящего к предметом и признакам, но и на сами предметы и признаки, они выражают категории предметности и атрибута (признака), но не качественного, через отношение к субъекту речи.

3) Местоимениям присуща смысловая всеобщность в растяжимость лексического значения, обуславливающая широту их применения и возможность конкретизации в каждом данном случае употребления.

4) Местоимения могут выступать в качестве формальных слов, выражающих грамматические значения и отношения (этот признак отмечался всеми языковедами, но истолковывался по-разному).

5) Нет формальных грамматических признаков, которые были бы общим для всех разрядов местоимений. Основные морфологические категории существительных и прилагательных обнаруживаются и в местоимениях, однако формы выражения этих категорий в местоимениях имеют свои особенности.

6) Местоимения выполняют те же синтаксические функции, которые свойственны существительным и прилагательным, но обладают рядом синтаксических особенностей.

7) Выделение местоимений в особую часть речи должно производиться не только на основе специфики их лексика – семантического содержания, но и с полным учетом степени их грамматического своеобразия, грамматической обособленности от существительных и прилагательных.

Если исходить из этих принципов, то легко заметить, что грамматическая природа слов, относимых обычно к числу местоимений, в современном таджикском языке весьма неоднородно.

По теме диссертации опубликовано 3 статьи в научных журналах включенном в Перечень ВАК РФ:

1. Абдуласанова, З.Ш. «Сопоставительное изучения местоимений во французском, русском, и шугнанском языках». // З. Ш. Абдуласанова // «Известия Национального Академии наук Таджикистана» № 1 (254),2019. – С.– 156– 161.
2. Абдуласанова. З.Ш. «О некоторых особенностях местоимений в таджикском языке». // З. Ш. Абдуласанова // «Вестник Таджикского национального университета» № 4 2020. – С– 107– 110.
3. Абдуласанова, З.Ш. «Морфологические категории и формы местоимений во французском языке». // З. Ш. Абдуласанова // «Вестник Таджикского национального университета» № 5 2020. – С– 125– 128.

Статьи, опубликованные в других журналах:

- 1.Абдуласанова, З.Ш. «Использование частотные слова в процессе обучение иностранных языков». Вестник Института языков. 2018. №1 (29) ISSN 222– 9355 С.137– 142. (тадж. язык)
- 2.Абдуласанова, З.Ш. «Духовно – нравственное воспитание молодежи Таджикистана». Вестник Института языков. 2018. № 2– 3 (30– 31) ISSN 222– 9355 С.85– 88.
3. Абдуласанова, З.Ш. «Использование взаимственных слов и их продуктивность в иностранных языках». Таджикский государственный институт языков. Актуальные проблемы лингвистики и перевода. Сборник материалов республиканской научно – практической конференции, 24 января 2019г. С. 9– 15.
4. Абдуласанова, З.Ш. «Статус местоимения во французском языке». Актуальные вопросы филологии и методики преподавания языков. Академия наук Республика Таджикистан кафедра иностранных языков. 2020 ISBN 978– 99975– 44– 93– 3 С.97– 100.
5. Абдуласанова, З.Ш. « Роль французского языка в мире». Таджикский государственный институт языков. Материалы Республиканской научно – практической конференции, на тему «Актуальные вопросы изучения и преподавания иностранных языков в условиях инновационного развития» 2021 ISBN 978 – 99947 С. 157– 163.